Мастер и Маргарита: За Христа или против? — протодиакон Андрей Кураев

«Он заслужил покой»

О судьбе Мастера сказано красиво: «Он не заслужил света, он заслужил покой». И несколькими поколениями советских интеллигентов эти слова переживались как символ их скудных эсхатологических надежд. «Счастливый финал»[236]…

Почему все так рады за Мастера, что завидуют его «синице в руке», совсем и не задумываясь о его утрате – о «журавле в небе», о Свете? Ведь в русской литературной традиции свет и покой едины. Булгаков даже для эпиграфа письма ко Сталину избрал некрасовское стихотворение, в котором была строка – «Вдруг ангел света и покоя мне песню чудную запел»…[237] Неужели непонятно, что покой оторванный от света – это темный покой, могильный мрак?

Так в чем же грех Мастера? Почему он не заслужил света? В чьих глазах он «согрешил»? От кого он принимает свою полу-награду, полу-наказание?

шился мастер, отказавшись от света? От чего отгородил его «покой», подаренный Воландом?

.....

Этими вопросами отчего-то не принято было задаваться.

Сначала – об утрате. О Свете. О Небе.

Осенью 1933 года Булгаков записывает: «Встреча поэта с Воландом. Маргарита и Фауст. Черная месса. – Ты не поднимешься до высот. Не будешь слушать мессы. Но будешь слушать романтические – … Маргарита и козел. Вишни. Река. Мечтание. Стихи. История с губной помадой»[241].

В рукописи 1936 года это оформлено уже так: «Тебя заметили, и ты получишь то, что заслужил… Исчезнет мысль о Ганоцри и о прощенном Игемоне. Это дело не твоего ума. Ты никогда не поднимешься выше, Ешуа не увидишь, ты не покинешь свой приют.. Он шел к дому, но уж не терзали сомнения и угасал казнимый на Лысом Черепе и бледнел и уходил навеки, навеки шестой прокуратор Понтийский Пилат. Конец».[242]

Мы же попробуем приглядеться к той вечности, по которой обречен бродить призрак Мастера (именно призрак; не будем забывать, что тело Мастера, отравленное Азазелло, не то сгорело в арбатском подвале, не то осталось в палате № 118).

Фауст по воле и милости Бога избежал вечного общения с Мефистофелем и его командой. А вот Мастеру далеко до такой участи. Он и по смерти остается в области Воланда. Мастер не переходит в мир Христа, в мир ангелов. И в вечности Мастер зависим от Воланда и его даров.

Дары же Воланда всегда по меньшей мере двусмысленны. Во всем романе он наиболее откровенно врет именно в этой сцене прощания с Мастером.

О Пилате Воланд говорит так: «Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать». Стоп! Ведь Иешуа через Левия Матвея просил за Мастера, а не за Пилата!

Что еще Воланд уготовил Мастеру на вечность? – призрак Маргариты. Качество этого подарка вызывает определенные сомнения, изложенные в предыдущей главе.

Следующий дар – музыка Шуберта.

Из окончательного текста романа трудно понять, почему именно Шуберт станет неразлучным с Мастером. Но в ранних вариантах все яснее. Там звучит романс Шуберта «Приют» на стихи Рельштаба: «черные скалы, вот мой покой»: Варенуха «побежал к телефону. Он вызвал номер квартиры Берлиоза. Сперва ему почудился в трубке свист, пустой и далекий, разбойничий свист в поле. Затем ветер. И из трубки повеяло холодом. Затем дальний, необыкновенно густой и сильный бас запел, далеко и мрачно: „… черные скалы, вот мой покой… черные скалы…“. Как будто шакал захохотал. И опять „черные скалы… вот мой покой…“[245]. Или: «Нежным голосом запел Фагот… черные скалы мой покой»[246]. Вот и отгадка – что значит «покой без света».

Романс Шуберта, исполняемый Воландом по телефону, отсылает нас не только к Мефистофелю, но и к оперному Демону Рубинштейна. Декорации пролога оперы “Демон” в знаменитой постановке с участием Шаляпина легко узнаваемы читателем булгаковского романа – нагромождения скал, с высоты которых Демон – Шаляпин произносит свой вступительный монолог “Проклятый мир”.

Так что «божественные длинноты» Шуберта, воспевающего черные скалы, Воланд превратил в инструмент замаскированной пытки. Теперь протяженность этих длиннот будет неограничена…

Еще один воландов дар: «старый слуга».

Значит, кто-то и в вечности останется «слугой»? В христианстве такого представления нет. Мертвый слуга за гробом – это египетские «ушебти». В гроб египтян клались деревянные фигурки рабов. Предполагалось, что именно они будут выполнять черную работу в загробном мире, в то время как люди (т.е. собственно египтяне) будут радоваться плодам «полей Иалу». А это означает, что посмертие, организованное Воландом – это не-христианское посмертие. Вечность с буратинами. И мелькнувший там Иешуа не более похож на Иисуса, чем египетский фаллический знак (анх) – на Голгофский Крест.

Следующий подарок: домик.

О качестве этого дара можно судить и по тому, что он не впервые возник в творчестве Булгакова. Воланд современному расхристанному читателю кажется симпатягой. Но у Булгакова не раз возникала тема высокого начальства, которое помогает бедному интеллигенту решить квартирный вопрос и избавиться от шариковых и прочих «аннушек». «Ночью я зажег толстую венчальную свечу. Свеча плакала восковыми слезами. Я разложил лист бумаги и начал писать на нем нечто, начинавшееся словами: председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину. Все, все я написал на этом листе: и как я поступил на службу, и как ходил в жилотдел, и как видел звезды над храмом Христа, и как мне кричали: – Вылетайте как пробка… Ночью я заснул и увидал во сне Ленина. Я рассказывал про звезды на бульваре, про венчальную свечу и председателя… – Так… так… так.. – отвечал Ленин. Потом он позвонил: – Дать ему ордер на совместное жительство с его приятелем. Пусть сидит веки-вечные в комнате и пишет там стихи про звезды и тому подобную чепуху»[247].

Значит, дар, полученный Мастером, мог бы ему вручить и Ленин. Значит, Воланд вручает Мастеру «ленинскую премию». Темы сходства Воланда и Ленина касаться не будем[248]. Просто отметим, что от «потусторонней» силы Мастер получает вполне посюсторонний, «кесарев» дар. Невысока же для него оказалась планка мечтаний и цена соблазна…

Только советская образованщина, испорченная «квартирным вопросом» и мечтой о дачном домике в Переделкино могла увидеть в этом достойную замену Небесному Иерусалиму и христианскому раю.

Маргарита увещевает Мастера обзавестись «домиком с венецианскими окнами». Но именно в таком домике и жил Фауст, и именно на эти окна у него была аллергия: «Назло своей хандре Еще я в этой конуре, Где доступ свету загражден Цветною росписью окон!».

Фаусту, «чья жизнь в стремлениях прошла», Мефистофель однажды предложил следующий жизненный план: «Возьмись копать или мотыжить. Замкни работы в тесный круг. Найди в них удовлетворенье. Всю жизнь кормись плодами рук, Скотине следуя в смиренье. Вставай с коровами чуть свет, Потей и не стыдись навоза – Тебя на восемьдесят лет Омолодит метаморфоза».

Фауст гневно протестует: «Жить без размаху? Никогда! Не пристрастился б я к лопате, К покою, к узости понятий».

И вот мирок, из которого вырвался Фауст, Воланд предлагает Мастеру как высшую награду.

Воланд сам упомянул Фауста и обещал Мастеру то, что якобы привело бы в восторг самого Фауста. Но реально Мастеру он подсунул то, что у Фауста вызывало лишь приступы хандры.

Живой Мастер совсем не похож на Фауста. Но призрак Мастера, как кажется, пробует уже переживать по-фаустовски. Последнее, что сделал призрак Мастера, покидая свой земной дом – он бросил в огонь не только свою рукопись, но и еще какую-то чужую книгу: «Мастер опьяненный будущей скачкой, выбросил с полки какую-то книгу на стол, вспушил ее листы в горящей скатерти, и книга вспыхнула веселым огнем». В этом поступке в Мастере проснулось что–то от Фауста (жажда скачки, полета, новизны). Оттого Воланд и поминает Фауста. Но на деле-то он подсовывает Мастеру не фаустовский идеал, а вагнеровский. И этот статично-книжный вагнеровский рай точно не будет радовать Мастера. Воланд дарит Мастеру «счастье» с чужого плеча. Оно ему будет жать и натирать душу.

Дурно пахнущую авантюру Воланд предлагает Мастеру. Причем – «сквозь зубы»: «Маргарита тихонько плакала, утирая глаза большим рукавом. – Что с нами будет? – спросил поэт. – Мы погибнем! – Как-нибудь обойдется, – сквозь зубы сказал хозяин и приказал Маргарите: Подойдите ко мне… Вы станете не любовницей, а его женой, – строго и в полной тишине проговорил Воланд, – впрочем, не берусь загадывать. Во всяком случае, – он повернулся к поэту, – примите от меня этот подарок, – и тут он протянул поэту маленький черный револьвер. Поэт все так же мутно и угрюмо гляда исподлобья, взял револьвер»[249].

Как тут не вспомнить другое описание бессветной вечности:

«– Я не верю в будущую жизнь, – сказал Раскольников. Свидригайлов сидел в задумчивости. – А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, – сказал он вдруг. „Это помешанный“, – подумал Раскольников. – Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится. – И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и справедливее этого! – с болезненным чувством вскрикнул Раскольников. – Справедливее? А почем знать, может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал! – ответил Свидригайлов, неопределенно улыбаясь»…

Вечность без вдохновения ждет Мастера: «– Так, стало быть, в Арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение? – У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, – ответил мастер, – ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, – он опять положил руку на голову Маргариты, – меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал» (гл. 24).

Мастеру еще предстоит узнать страшную правду о своей творческой импотенции: без воландовского вдохновения он уже не сможет написать ничего подобного своему сгоревшему роману… Воланд подарил этот роман Мастеру. Воланд же (через Азазелло) его и сжег. Дары Воланда всегда двусмысленны. Мастер ведь уже предчувствовал, с кем связался и чем все это кончится: «Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами» (гл. 13).

Вспомним еще револьвер, который в рукописи 36–37 годов Воланд дарит Мастеру, и картина станет вполне богословски-канонической.

По наблюдению святых Отцов, когда человек вступает в общение с Князем тьмы, в его душу начинает постепенно проникать отчаяние. Ты вроде стал хозяином жизни, пробудившиеся в тебе страсти должны толкать тебя к наслаждению жизнью… И вдруг – тоска, «спрут в душе». Это твой новый “духовный покровитель” вдруг сбрасывает маску и дышит тебе в лицо открытым холодом и жаждой уничтожения.

Зато в понятье вечной пустоты
Двусмысленности нет и темноты…
Конец? Нелепое словцо!
Чему конец? Что, собственно, случилось,
Раз нечто и ничто отождествилось.

(Мефистофель в «Фаусте» Гете).

Несколько примеров общения с этим духом небытия приводит св. Игнатий Брянчанинов в “Аскетических опытах”. Вот один из них: Петербургский чиновник занимается молитвенным подвигом, некстати и без духовного руководства начитавшись преп. Симеона Нового Богослова – самого мистического и самого лиричного из Отцов. Приходит рассказать о своих видениях в монастырь и говорит, что видит сияние, исходящее от икон, ощущает благоухание и сладость необычайную во рту и т. д. Монах, выслушав его, задает ему один-единственный вопрос: “А не приходила ли Вам в голову мысль убить себя?”. Оказывается – уже пытался бросаться в реку, да оттащили… И монах поясняет, почему он задал такой вопрос: как во время покаянного плача бывает минута тихого и светлого спокойствия, так и в минуты ложных наслаждений, бывает, прелесть выдает себя и сквозь первоначальный восторг проступает конечная цель духа зла – уничтожение человека[250].

Вот и Маргарита еще до встречи с Мастером впустила в себя мечту о небытии: «Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста». Радуется смерти и Мастер…

В финале тело Мастера уже убито. Душа… Но что такое «душа» со стертой памятью? О чем он будет писать? И для кого?

В избушке с засаленным колпаком и пустой ретортой Мастера ждет бесполезное «гусиное перо». Бесполезно оно оттого, что даже если бы он и смог что-либо написать, книги, написанными умершими духами, к людям не приходят. Мастер будет существовать без читателей. И тогда даже атеисты, травившие его за «пилатовщину», покажутся ему вожделенными читателями и ценителями… Кому да и о чем сможет написать Мастер, если люди ему уже неинтересны[251], а в общение с Богом и ангелами («свет») он не вошел, будучи изолированным в своем «покое»?

А вот от романа, написанного им на земле, Мастеру никуда не деться: «Я помню его наизусть… Я теперь ничего и никогда не забуду… Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно».

Воланд позаботился о том, чтобы этот страх оставался в Мастере навсегда. Он поселил его в зацветающем вишневом саду. Вишня в цвету – это прекрасно, спору нет. Но ведь Мастер перешел в мир иной, и перешел навеки. И вот оказывается, что ничего нового,

иного его не ждет. Вишни будут цвести всегда, а плодов не будут давать никогда… Творческая личность обрекается на бесконечное повторение пусть и прекрасных, но земных и уже бывших моментов[252]. Если какие-то тени и будут навещать его[253] – то под строгим условием: «не тревожить». Значит, все будет узнаваемо и стерильно. Новизна не возмутит мир Мастера… В общем, Воланд дарит Мастеру вечность не первой свежести.

Но прекрасно ли цветение вишен именно для Мастера? Бывает, что день, праздничный для всех, оказывается траурным для одной семьи. Если в этой семье несчастье произошло в новогоднюю ночь – то на годы вперед огни новогодних елок будут не радовать, а мучить. Так какие же ассоциации могут вызывать у Мастера цветущие вишни?

Вишня цветет в мае. Май и есть месяц очной встречи с Воландом, месяц сумасшествия и смерти Мастера. Значит, вся боль последних недель жизни Мастера будет ему напоминаема постоянно. Как «весеннее праздничное полнолуние» каждый год лишало покоя Ивана Бездомного, так и Мастеру придется маяться каждый май, точнее – вечный май с вечно зацветающими, но никогда не плодоносящими вишнями…

Как и Фауст, Мастер получил свои дары в пасхальную ночь. Пасха – значит переход. Мастер в эту ночь перешел от земной жизни к посмертному, вечному существованию. Качество перехода определяет и качество этого существования. Вот последнее земное слово Мастера: «– Отравитель, – успел еще крикнуть мастер. Он хотел схватить нож со стола, чтобы ударить Азазелло им, но рука его беспомощно соскользнула со скатерти». Вот первое слово его призрака: «Открыв глаза, тот глянул мрачно и с ненавистью повторил свое последнее слово: – Отравитель…». Со мраком в душе Мастер перешел рубеж вечности. «Он не заслужил света…».

Заметим, кстати, что Мастер не смог встретить свою смерть как Иешуа. Никаких «добрых людей». Иешуа – не его идеал. Симпатии и сердце Мастера с Пилатом.

Пилат же провел «двенадцать тысяч лун»[254] с разбитой чашей вина и верным псом. Теперь Мастеру предстоит та же участь: с пустой ретортой, сухим гусиным пером и неотвязной Маргаритой…

В те же годы другой великий писатель – Толкиен пояснил, кто может дарить вечность такого качества, т. е. земные блага, умножаемые на бесконечность. Бессмертие на земле – это дар от Кольца Всевластья, точнее от его Черного Властелина. Бильбо тяготится этим даром: «я чувствую себя как кусок масла, размазанный по слишком большому куску хлеба»[255].

Такая же боль ждет и Мастера в домике, который подарил ему сатана. Пытка покоем. Наказание тупиком. Пусть вишни, пусть Маргарита. Но нет Христа. Нет вертикали, Выси. И даже Воланд распрощался с Мастером навсегда. Маргарита подчеркивает, что это «вечный дом» Мастера…

И вновь сравним с Толкиеном. В его рассказе «Лист Ниггла» все очень похоже. Умирает осмеянный всеми художник. И он поселяется в своей последней картине. Тоже дом, тоже дерево… Но, проживя в этом мире время, необходимое для исцеления его души, художник идет дальше – в Горы. А Мастеру некуда идти из своего бес-светного покоя… Ведь «вода жизни» для него – не Христос, а просто водка[256].

Когда-то Воланд напомнил: «все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере». Мастер получил по своей вере. Но по тому, что он получил, можно составить представление о предмете его веры, о скудости его веры и его мечты… «Вы нас убили, мы мертвы. Ах, как это умно! Как это вовремя!».

Завершение романа могло бы показаться оптимистическим: Пилат ушел с Иешуа, Мастер получил покой… В полете с Воландом преображаются все – меняется Маргарита, меняется сам Воланд, становится красив Бегемот, из шута в рыцаря преображается Коровьев, меняет свои черты Азазелло. Преображаются все – кроме Мастера. Мастер меняется лишь в одежде. Ни глаза, ни лицо, ни душа у него не меняются: «Маргарита

хорошо видела, как изменился мастер. Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате N 118-й привычке, сам себе бормотал». Пациент остался пациентом…

А вот – последнее появление Мастера в романе: «Женщина выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. – Так, стало быть, этим и кончилось? – Этим и кончилось, мой ученик, – отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит: – Конечно, этим. Все кончилось и все кончается… И я вас поцелую в лоб, и все у вас будет так, как надо».

Так чем же «все кончилось»? – Вот этим: «пугливо озираясь». Мастер, и так в ходе романа лишенный имени (точнее – донашивающий один из титулов Воланда), теперь и просто становится номером… Ничего себе «покой»!

А логический финал судьбы Маргариты был прописан в романе еще раньше. Развязка произошла уже тогда, когда Маргарита приняла предложение стать хозяйкой сатанинского бала: «Короче! – вскричал Коровьев,– совсем коротко: вы не откажетесь принять на себя эту обязанность?» «– Не откажусь»,– твердо ответила Маргарита. « Кончено!» – сказал Коровьев”.

Так, может, просто сбылся старый сон Маргариты? «Сон, который приснился в эту ночь Маргарите, был действительно необычен. Дело в том, что во время своих зимних мучений она никогда не видела во сне мастера. Ночью он оставлял ее, и мучилась она только в дневные часы. А тут приснился. Приснилась неизвестная Маргарите местность – безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка, безрадостные, нищенские, полуголые деревья, одинокая осина, а далее, – меж деревьев, – бревенчатое зданьице, не то оно – отдельная кухня, не то баня, не то черт знает что. Неживое все кругом какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься на этой осине у мостика. Ни дуновения ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для живого человека! И вот, вообразите, распахивается дверь этого бревенчатого здания, и появляется он. Довольно далеко, но он отчетливо виден. Оборван он, не разберешь, во что он одет. Волосы всклокочены, небрит. Глаза больные, встревоженные. Манит ее рукой, зовет. Захлебываясь в неживом воздухе, Маргарита по кочкам побежала к нему и в это время проснулась» (гл. 19).

На такое подозрение наводит то обстоятельство, что «Ни в одной редакции романа герой так и не увидит свой вечный дом. Не войдет в него… Покой мастера навсегда останется обещанным ему. Только обещанным»[257]. Сам Мастер не видит никакого домика и сада. «Мастеру казалось…» – вот последнее переданное Булгаковым состояние Мастера. Лишь Воланд и Маргарита нашептывают ему о том, что вот-вот будет дано ему в награду. Этакая «агитбригада ада». Точно так же Иешуа успокаивает Пилата вопреки всякой очевидности. Иешуа уверяет Пилата, что казни не было, но при этом сам Иешуа предстает в этой же сцене «в разорванном хитоне и с обезображенным лицом». Иешуа (вновь говорю: Иешуа – персонаж романа, написанного Мастером и Воландом – Мессиромастером – а не евангельский Иисус) и Маргарита в равной степени используются Воландом.

Маргарита ради встречи с Мастером готова была стать ведьмой, отдать и душу и тело сатане. Сначала Мастер зовет Маргариту в «баню с пауками». Маргарита согласна. Что ж, настала ночь оплаты счетов. Теперь она ведет Мастера по указке Воланда.

Дары Воланда всегда имеют двойное дно. «Дьявол очень старый вор. Не веди с ним разговор», – говорил архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской), когда-то поэт и блестящий молодой человек, друг Марины Цветаевой.

«Вишни. Река. Мечтание. Стихи»… Финал «подчеркнуто, нарочито идилличен; он перенасыщен литературными атрибутами сентиментально-благополучных фильмов. Такая

подчеркнутая литературность и сама по себе способна уже вызвать подозрения»[258]. А уж если все эти штампы даруются сатаной…

Не стоит завидовать участи Мастера. Тот, кто всю жизнь сам себя добровольно заключал то в музей[259], то в подвал, то в психушку, и по смерти не найдет свободы.

Может быть, потому, что Воландовы дары будут не утешать, а терзать, Воланд и маскируется и на прощанье говорит, что поднесенные им дары не только и не столько от него самого, сколько от Иешуа: «то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же».

Плохо кончается роман. Беспросветно. В этом отличие фаустианы XX века от традиции прошлых веков. Нет здесь Deus ex machina. Нет спасающего и всеизменяющего вторжения Божьего промысла. И это самое страшное предупреждение романа: всё может кончиться плохо. Есть такая мера человеческого забвения о Творце и отречения от Него, когда и Небо уже бессильно. Шутки могут заходить необратимо далеко.